

нам: нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих. Поэтому мы терпим обиды, причиняемые каждому из нас отдельно, но в обществе защищаем друг друга и полагаем свою жизнь за братьев наших, дабы вы, увлекая их в плен, не пленили вместе с телами души их, склоняя благочестивых к своим злым и богопротивным делам...»

А вот как закончил Достоевский разбор восьмой части «Анны Карениной», где, как мы помним, Левин приходит к идее непротivления и рассуждает об этом. Левин, как расплывчатый всечеловек и враг пролития крови, активно не приемлет освободительную войну на Балканах. Как, видимо, и Толстой, он не признает движения в защиту единоверцев и возмущен уже самим фактом вмешательства... И все-таки речь идет как бы по частному случаю, рассматривается художественное произведение, а не проповедь создателя новой религии.

Баре на природе — хрустят огурцами с медом и попутно рассуждают. Для Левина характерно:

«Да, моя теория та: война, с одной стороны, есть такое животное, жестокое и ужасное дело, что ни один человек, не говоря уже о христианине, не может лично взять на свою ответственность начало войны... И такого непосредственного чувства к угнетению славян нет, и не может быть... я сам народ, и я не чувствую этого».

В разносортные мнения собеседников, где князь Щербацкий высказывает и такое мнение, что успокоился он тем, «что и кроме меня есть люди, интересующиеся только Россией, а не братьями славянами», Толстой вводит и свой непосредственно авторский голос: «Ему (Левину. — Б.Б.) хотелось еще сказать, что если общественное мнение есть непогрешимый судья, то почему революция, коммуна не так же законны, как и движение в пользу славян?..»

Коварный ход; и ясно, что это не непонимание, но позиция —

нравственная и даже политическая установка автора.

И уже далее Левин горячо утверждает: «...в восьмидесятимиллионном народе всегда найдутся не сотни, как теперь, а десятки тысяч людей, потерявших общественное положение, бесшабашных людей, которые всегда готовы — в шайку Пугачева, в Хиву, в Сербию...»

После этого и Достоевский тактично объявляет себя успокоившимся, так как, мол, это только образ, Левин, — понятно, мол, сам Толстой до подобного бреда докатиться не может.

Как увидим — может.

Ведь речь идет о русских добровольцах, которые без объявления войны отправились погибать в Сербию и на Шипку. Ради чего, что же там, на Балканах, происходит? И Достоевский напоминает:

«Истребления людей, болгар, сербов, производятся тысячами и десятками тысяч. Утонченности в мучениях таковы, что мы не читали и не слышали ни о чем еще подобном прежде. С живых людей сдирается кожа в глазах их детей; в глазах матерей подбрасывают и ловят на штык их младенцев, производится насильничанье женщин и в момент насилия он прокалывает ее кинжалом, а главное мучат в пытках младенцев и ругаются над ними. Левин говорит, что он не чувствует ничего (!), и азартно утверждает, что непосредственного чувства к угнетению славян нет и не может быть... Смею уверить при этом г. Левина (читай: Толстого. — Б.Б.), что непосредственное чувство к истязаемым славянам существовать может, и даже самое сильное, и даже во всех классах общества. Но Левин настаивает, что не может и быть и что сам он ничего не чувствует. Это для меня загадка».

Левин — «сам народ», он не желает знать чужих страданий, он против убийства турок-насильников, и по части славян сострадания у него нет, он лишь проводит свою идею, что убивать — это нехорошо, войну развязывать нехорошо, и что необразованный русский народ, который не знает ни географии, ни сла-